

О самозащитѣ священно-служителей. Въ одной почтенной газетѣ, въ текущемъ году, сообщалось, что священно-служители N епархіи, N уѣзда, возбудили ходатайство предъ мѣстнымъ исправникомъ о разрѣшеніи имъ имѣть у себя, на случай самозащиты, огнестрѣльное оружіе. Г. исправникъ обратился за разъясненіями по данному вопросу къ подлежащему епархіальному начальству, которое, конечно, отклонило это ходатайство, на основаніи общеизвѣстнаго правила — „совершители безкровной жертвы ни подъ какимъ видомъ не должны проливать не только крови людей, но и животныхъ“. Далѣе газета спрашиваетъ: что же должны дѣлать священно-служащіе, если имъ съ семьей грозитъ смертельная опасность?.. Не подставлять же свои головы подъ обухъ! Если ужъ нельзя священникамъ, діаконамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ самозащищаться, то не предвидится препятствій вооружить прислугу — работника, кучера и т. п. ¹⁾

Такъ заключаетъ газета свое мнѣніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что и всякое другое епархіальное начальство рѣшило бы поставленный вопросъ приблизительно такъ же, какъ и N консисторія. Но одно дѣло рѣшить, другое — въ точности исполнить рѣшеніе!.. Идти подъ разстрѣль, на безславную и бесполезную смерть не значитъ — исполнить циркуляръ, предписаніе или пострадать за истину Христову..

Въ нынѣшнее смутное время сплошь и рядомъ доводится читать въ газетахъ: въ одномъ мѣстѣ священника убили на поваль изъ-за угла, на улицѣ, въ другомъ — покончили съ батюшкой въ его домѣ, причемъ предали истязанію и матушку, въ третьемъ — ограбили, въ четвертомъ — сожгли имущество священника и т. д. Словомъ священно-служители погибаютъ безъ защиты и ропота въ видѣ окровавленныхъ жертвъ. Впрочемъ попадалась статья и такого рода, гдѣ одинъ батюшка, при подобныхъ обстоятельствахъ, вздумалъ защищаться голыми руками и, б. м., въ пылу схватки, лишилъ бы противника жизни безъ пролитія крови, задушивъ его, но его все-таки убили, такъ какъ нападающихъ было много, а онъ одинъ.

Спрашивается, всякій ли служитель алтаря въ состояніи хладнокровно, не двигаясь съ мѣста, допустить до себя убійцу; много ли най-

¹⁾ Бѣдные іереи зачастую обходятся безъ всякой прислуги.

дятся такихъ священнослужителей, которые не пошевелили бы перстомъ при видѣ избіеній и истязаній жены и малолѣтокъ-дѣтей и при слышаніи ихъ предсмертныхъ стоновъ и воплей?.. Предоставляю рѣшеніе этихъ вопросовъ на нелицемѣрную совѣсть каждаго.

Жизнь— „драгоценный Божій даръ“, и тотъ, кто намъ ее не далъ, не вправѣ и отнять ее, а если кто отнимаетъ,—мы имѣемъ *человѣческое право* защищать ее, хотя бы при помощи *кучеровъ, работниковъ и особыхъ тѣлохранителей*. Каждый изъ людей дѣйствительно защищается, какъ и животное безсловесное,—такъ и насѣкомое, начиная со слона и кончая муравьемъ и пчелой; только *классъ духовныхъ* лишенъ этого священнаго права.

А вотъ еще образчикъ рѣшенія одного нашего бывшего преосвященнаго, по поводу того, какимъ способомъ слѣдуетъ самозащищаться отъ лютыхъ звѣрей.

Въ 1885 и 1886 г.г., въ бытность мою священникомъ на сѣверѣ Тобольской епархіи, столько появилось въ зимнее время волковъ, что отъ нихъ ночами ни проходу, ни проѣзду не было. По дорогамъ—волки и они же—около деревень и юртъ. Бывало рѣдкій день такой выпадетъ, чтобы не удалось, гдѣ-либо по пути увидѣть одного или цѣлую стаю этихъ хищниковъ, а если не увидѣть, такъ услышать ихъ отвратительный концертъ, отъ котораго у людей трусливыхъ волосы шевелятся на головѣ: тутъ слышенъ и стихійный звукъ тысяче-пудоваго колокола, и частый—пронзительный лай собаки, и хохотъ миѣическихъ лѣшаго и вѣдьмы—все сливается въ одно... Съ осени волки прикончили чуть не всѣхъ дворовыхъ собакъ, а за зиму въ селѣ К., состоящимъ изъ 50 дворовъ, загрызли на смерть въ пригонахъ около 25 штукъ крупнаго скота—лошадей и коровъ. Только и было разговора, что про отчаянно смѣлыя выходки волковъ. Однажды они остановили среди дня возокъ съ проѣзжимъ исправникомъ, не взирая на револьверные выстрѣлы съ его стороны; только вооруженные ружьями и дубинами люди разогнали ихъ. Въ другой разъ у одного ямщика растерзали на дорогѣ переднюю гусевую лошадь; дальнѣйшей ихъ расправѣ съ самимъ хозяиномъ помѣшалъ обозъ, сопровождаемый народомъ. Духовные для этого звѣрья тоже не составляли исключенія... Какъ-то мы съ псаломщикомъ вскорѣ послѣ Крещенія отправились съ крестомъ и св. водой, въ сопровожденіи ямщика (на парѣ лошадей—съ колокольцами)

и трапезника впереди (на одной—особой лошади), въ деревню З., версть за 20, и, вдругъ, ночью, при свѣтѣ луны, неожиданно—негаданно, наѣхали на громадную стаю волковъ, численною въ нѣсколько десятковъ штукъ, въ позиціи неудобной для насъ и превосходной для хищниковъ, именно—въ узкомъ ложкѣ съ боковъ были горки, позади и впереди насъ—тоже... Опасность была велика... Ждать же намъ не приходилось—нужно было, во что бы то ни стало, проѣхать заставу и взять штурмомъ эту вторую „Плевну“. Я хотѣлъ было уже вылѣзть изъ кошевы, но ямщикъ нашъ ошалѣлъ съ испуга; поднявшись на ноги, онъ сталъ хлестать лошадей—онѣ помчались во весь опоръ... Удивительно, когда наши кони фыркали и артачились, лошадь спящаго стариченки—трапезника въ это время спокойно пробѣжала среди разступившихся звѣрей. Волки насъ не преслѣдовали. Думаю, добромъ бы подобная встрѣча не кончилась, если бы на нашемъ мѣстѣ очутился кто-либо одинъ и на клячѣ...

Вотъ въ виду такихъ-то опасностей, грозящихъ жизни, я и вздумалъ прибѣгнуть за совѣтомъ къ преосвященному, убѣдительно прося его—разрѣшить мнѣ брать съ собою въ дорогу огнестрѣльное оружіе. Конечно, я зналъ, что преосвященный мнѣ въ томъ откажетъ и не ошибся—онъ сослался на извѣстныя правила, запрещающія іереямъ проливать кровь животныхъ... Но я заранѣе приготовился къ отвѣту и постарался выставить въ свое оправданіе такіе убѣдительные аргументы, что трудно было отвѣтить на нихъ отрицательно. Представьте себѣ, преосвященнѣйшій владыко (говорилъ я), слѣдующій—очень возможный случай.—За мною пріѣзжаетъ прихожанинъ—семейный—и проситъ напутствовать тяжело больную его жену или другого кого изъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ. Ёду. Вдругъ въ пути насъ окружаетъ стая голодныхъ волковъ, рветъ на части нашу лошадь, насъ самихъ, т. е. меня и ямщика, причемъ попираются и уничтожаются св. Дары и, въ результатѣ, остаются двѣ осиротѣлыя семьи и умираетъ безъ исповѣди и причастія тотъ человѣкъ, къ которому я ѣхалъ. Такъ не лучше ли погибнуть безсловеснымъ, хищнымъ и кровожаднымъ животнымъ, чѣмъ людямъ? Къ чему столько цѣнныхъ жертвъ, когда ихъ можно избѣжать? Преосвященный на минуту глубоко призадумался. Затѣмъ, послѣ паузы, поставилъ на вопросъ вопросъ же: „а чѣмъ мѣстные жители отбиваются отъ волковъ?“—А тѣмъ, что стрѣляютъ въ небо, жгутъ сѣно (соломы

тамъ нѣтъ, хлѣба не сѣютъ), стучать въ ведра, тазы и заслонки ¹⁾. Но это мало помогаетъ — отобьютъ одинъ приступъ хищниковъ, — они предпринимаютъ — другой, третій... Преосвященный ухватился за послѣднюю, какъ образцовую оборону, — за ведра, тазы и заслонки... Онъ сказалъ, — „ну, вотъ, и ты закажи себѣ сдѣлать здѣсь, въ Тобольскѣ, какой-либо барабанъ и съ нимъ можешь путешествовать“. Выразивъ свое мнѣніе, онъ улыбнулся, улыбнулся и я... Однакожь я прекрасно понялъ, что епископъ не то сказалъ, что желалъ сказать!

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы усматриваемъ для себя одинъ выводъ, именно: священно-служители должны безропотно подставлять свои главы не только подъ обухъ и выстрѣлы разбойниковъ, но и подъ острые зубы и когти кровожадныхъ хищныхъ звѣрей!

Священникъ *Павель Закомельскій*.